

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

7

РАСПАД

Как в святских окнах потух свет моей малой родины

С печальной памяти весны 1986-го, когда взорвался ядерный реактор в Чернобыле, я, сам не отдавая в том себе отчета, делал кое-какие пометки в блокнотах и только теперь, собрав их вместе, понял, что я все эти годы, оказывается, вел дневник чернобыльской трагедии, которая замкнулась для меня целиком на судьбе родного села Святск, находящегося в ста семидесяти километрах от ЧАЭС.

Перечитываю свои блокноты и будто заново проживаю все пережитое.

из зоны жесткого радиационного режима семей с детьми до 14 лет с предоставлением жилья на новых местах обитания, правительство тем самым как бы разделило Святск на молодых и старых и бросило последних, по сути, на произвол судьбы.

Корень всех бед зоны мы привычно ищем в самой чернобыльской катастрофе, в то время как искать его надо еще и в крушении нашей морали. Сегодняшние старики, лучшие годы жизни отдавшие безропотно «за палочки» труду в колхозах, теперь, оказывается, никому не нужны, их время прошло, они – отработанный человеческий материал, так следует понимать? Не исключено, что когда состарятся те, кто сегодня молод, и случись, не дай Бог, какая беда, их также где-нибудь бросят.

– Как быть, куда податься? – горестно рассуждает в окружении старых ветеран войны и труда Илья Иванович Самойленко, растерянно разводит руками и прямо кричит на всю улицу: – Неужели то, что мы на фронте воевали и в колхозе работали, нам на старости дней не зачлось?

Довоевался, доработался мужик – вон уже криком кричит от обиды.

Сейчас в связи с отселением молодых семей на чистые территории происходит тихая «оккупация» зоны преступными элементами. Среда обитания для них здесь, если не брать во внимание радиацию, а они ее и не берут, вполне благоприятная: никакой жизни, ни крепких мужиков, готовых постоять за свою деревню, ни милиции. Приходила недавно к нам в магазин за хлебом бабка Бульбаниха из соседнего белорусского поселка Пенное (она там одна осталась) и рассказывала:

– Какие-то хлопцы в нашей веске объявились, заняли пустые хаты и там живут. А как стемнеет, так садятся на краденых коней и всю ночь рыщут по деревням. Не иначе как бандиты! Надо убежать. А не то, чего доброго, и убьют.

– Вот, девки, поглядите, – говорит старушкам продавец Любовь Ульяновна Соломыкина, – скоро эти бандиты за нас возьмутся.

Сказала так, к слову, а вышло, как в сук влепила. В ночь под Благовещение на дом пенсионерки Веры Фадеевны Кеченко было совершено разбойное нападение. Бандиты ломом вышибли дверь, этим же ломом оглоушили хозяйку и похи-

тили две самые богатые в домашнем иконостасе старообрядческие иконы XVII-XIX веков – Георгия Победоносца и Николая Святителя. Как Вера Фадеевна при шести швах на голове и большой потере крови тогда только вышла – одному Богу ведомо.

Долго после этого случая святские старушки не решались ночевать дома в одиночку – прихватив самые дорогие иконы, сбивались, что ни вечер, в стайку под чей-либо крышей, полагая, что так, вместе, они могут еще постоять за себя и своих святых. Со временем, правда, им надоело слоняться по чужим углам – ночуют опять в своих хатах, но каждая держит теперь под рукой топор.

– Раз милиция не обороняет, самим надо защищаться.

У Василия Лаврентьевича Ерощенко на лацкане пиджака орден Отечественной войны II степени с облупившейся эмалью – за подбитый в 1944-м под Жлобином немецкий танк.

– У меня, брат, три топора!

– Почему три?

– Так в моей же хате три окна, – объясняет он диспозицию. – Стало быть, по топору на каждое окно. Пусть теперь кто только попробует сунуться!

Что ж, бывшему фронтовику смекали не занимать.

Летом жить в Святске еще не так страшно – ночи о такую пору с воробьиный склок и светлые. А вот еже и не берут, вполне благоприятная: никакой жизни, ни крепких мужиков, готовых постоять за свою деревню, ни милиции. Приходила недавно к нам в магазин за хлебом бабка Бульбаниха из соседнего белорусского поселка Пенное (она там одна осталась) и рассказывала:

– Какие-то хлопцы в нашей веске объявились, заняли пустые хаты и там живут. А как стемнеет, так садятся на краденых коней и всю ночь рыщут по деревням. Не иначе как бандиты! Надо убежать. А не то, чего доброго, и убьют.

– Вот, девки, поглядите, – говорит старушкам продавец Любовь Ульяновна Соломыкина, – скоро эти бандиты за нас возьмутся.

Сказала так, к слову, а вышло, как в сук влепила. В ночь под Благовещение на дом пенсионерки Веры Фадеевны Кеченко было совершено разбойное нападение. Бандиты ломом вышибли дверь, этим же ломом оглоушили хозяйку и похи-

ние – и все без проку. Люди потеряли веру.

– Куда бабушка хотела бы переселиться? – спрашивает девушка с анкетой.

– К своим, голубушка, на кладбище, – в сердцах отвечает бабушка. Летом 1991-го, как в насмешку, опять затеяли опрос, четвертый по счету: куда бабушка хотела бы переселиться?

– Идите, детки, своей дорогой. Нам и без ваших вопросов тошно жить на свете, – и перестали пускаться на порог.

Вышел я вечером под Крещение на улицу и остолбенел – по всему горизонту на белорусской стороне, над селом Старое Закрыжье и поселком Пенное, гуляют сплохои пожаров. Первое, что подумалось: живали в своем Пенном, если не сбежала, бабка Бульбаниха и не ее ли это там сейчас полыхает хата. Глядя на такой пейзаж, трудно отделаться от мысли, что и нашему Святску скоро придет черед гореть.

Райисполком просто не знает, как ему дальше быть со Святском. Провалился село вместе со всеми оставшимися там жителями сквозь землю, райисполком, так думаю, только бы вздохнул: никаких теперь жалоб, никаких забот с отселением. А то ведь святские старики вон уже что удумали – требуют учредить в селе постоянный милицейский пост для охраны их жизни и имущества.

Самая ситуация в зоне понуждает жителей требовать от властей именно такой меры. Волосы дыбом встают от того, что творится сейчас кругом. Бандиты ломаются в дома, отбирают у стариков пенсии, убивают людей, устраивают поджоги. Последние обитатели обезлюдивших деревень в страхе бросают родные хаты и бегут в большие села и райцентры, к людям просить защиты и крова.

Слышу, как председатель райисполкома Александр Миненко ведет разговор с нашими пенсионерами, и настораживаюсь. Вот, мол, разведутся специалисты – кто вам исправит свет, починит водопровод; закроют больницу – кто вас будет лечить, а нагрянут бандиты – кто вас будет защищать... И так далее и тому подобное. Даже разбой, что творится в округе, выходит, властям на руку: манипулируя эмоциональным состоянием людей, они вынуждают затравленный радиацией и бандитизмом святс-

кий народ броситься враспынную.

Нет бы просто сказать: ищите сами новое место, мы хоть и власть, а помочь не в силах. Святские старики, привыкшие надеяться только на себя, эту правду приняли бы. Надо съезжать – только вот куда? Они и в молодости – от детей, от работы, от скотины – не больно-то по стране раскатывали. Так что новых мест себе не присматривали. Но привычная жизнь канула в Лету, и уже кое-кто всерьез подумывает: а не перебраться ли на жительство в свой райцентр, в Новозыбков? Там, в городе, мол, много народу, там милиция, там больница, наша, говорят, скоро закроется...

Взяли-таки Святск на испуг: одна старушка напугала себе в городе домик, другая сторговала хатку – так, друг за другом, и потянулся народ в райцентр. Получают страховку за свой дом в селе, добавляя к ней то, что скопили себе на похороны, и на эти деньги приобретают жилье в городе.

Ладно бы, думаю я, святские пенсионеры таким вот образом спасались от радиации – так ничуть нет. Они просто из радиации пере-ежжают в радиацию. Разброс плотности радиоактивного загрязнения в Новозыбкове между 16 и 40 ююри на квадратный километр, и жить там совсем небезопасно. Неспроста же новозыбковцы сотнями покидают свой город и так легко теперь там купить дом. В общем, попали наши старики, как говорится, из огня да в полымя!

Между тем обстановка в Святске, где остались бедовать около двухсот старых людей, складывается хоть караул кричи. В третий раз ограблена наша старообрядческая церковь Успения Пресвятой Богородицы. Можно сказать, прямо на глазах государства, под табличкой над папертью «Памятник деревянной архитектуры охраняется государством», разворовывается культурное наследие народа. Матерь Божия, Казанская Богородица, Скорбящая, Троеручица, Николай Чудотворец – я перечислю только те иконы, которые хорошо помню. А образов в храме было больше сотни. Словом, из Святска выносятся всех святых.

Преступный мир, уверовав в свою безнаказанность, буквально парализовал жизнь в селе. Совсем недавно сторела аптека. Было отмечено несколько поджогов домов и сараев. Хорошо, люди вовремя спохватились, погасили огонь, а не то посела могло бы выгореть.

– Всю ночьку не смыкаю глаз: сижу одетая и боюсь уснуть, – плакалась мне бывшая колхозная ударница Клавдия Егоровна Челищцева. – Заснешь – и не учуешь, как спалит вместе с домом.

Вот такой выдалась у святских стариков осень жизни.

Построй, я так думаю, новое село на чистом месте, создай там качество жизни не хуже того, что люди имели у себя до беды, пересели туда всех, молодых и старых – никаких проблем со Святском не было бы. Бездарная же наша политика переселения, без учета принципа компактного проживания, полностью разрушила складывавшуюся веками человеческую общность, какую являл собой Святск. Ветер беды разгнал святский люд по 30 селам, поселкам, деревням Брянщины, по 10 областям России, по 4 республикам бывшего СССР.

Такое, с позволения сказать, переселение привело не только к социальному отчуждению молодого населения от населения пожилого, оставшегося в зоне бедствия. Разрушение живых человеческих связей сделало и тех, кто съехал, и тех, кто остался в Святске, одинаково несчастными. Но если последних еще как-то согревает чувство родного угла, то что сказать про тех, кого бедность сорвала с родного гнезда и унесла в чужие края? Сплоша хватив переселенческого «счастья» в чистых районах (неустроенность новых мест обитания, бездушие властей к людям из зоны бедствия, социальный антагонизм между местным населением и переселенцами), они как перекасти-поле носятся по стране в поисках лучшего пристанища и никак не могут его найти. Глядя на таких вот горемык-односельчан, кого никак не прибить к берегу, некоторые из тех, кто остался в Святске, отказались даже от самой мысли о переселении, решив доживать свой век – пусть и в радиации! – на родной стороне.

Среди порученного Чернобылем, терзаемого бандитами и мародерами села вдруг то там, то тут встают, как привидения, столбы печных дымков в зимнем небе – теплится еще в Святске кое-какая жизнь. Десять лет назад, до Чернобыля, в селе проживали 675 человек. Остались 12.

– Молодость нашу опалила война, – рассуждает бывшая учительница Вера Петровна Мартыненко. – А старость наша поспына чернобыльским пеплом.

Чувством горькой безысходнос-

ти наполнено все их сегодняшнее житье-бытье. Где тонко, там и рвется: то выходит из строя водопровод – и они по два-три дня, а то, бывает, и неделю сидят без воды. То прерывается подача электроэнергии – и они остаются без света и воды. То...

Кто-то не выдерживает такой жизни и покидает Святск. Вот, смотрю, Бондаревы собрались переезжать в Новозыбков, где приглядели себе домик. Перед воротами высятся гора домашнего скарба – скоро за ним прибудет машина. Стоит хозяйка Евдокия Петровна на фоне опустевшего родного гнезда – стынут на осеннем ветру руки, стынет душа, стынют слезы.

– Здесь родилась, здесь всю жизнь прожила, а помирять надо ехать на чужую сторонушку.

Дай государство тем, кто сейчас прозябает в Святске, по квартире где-то в более безопасных местах, многие, наверное, и согласились бы на отселение, потому что жить в селе стало невозможно. Так в том-то и вся беда, что не даст, и неизвестно, даст ли вообще. Недавно приезжали в Святск руководители райадминистрации, выслушали жалобы стариков и заявили:

– Квартир для вас пока не предвидится – скорее всего, придется вам тут жить и дальше.

Самая жизнь наводит на жуткую мысль, что успех программы отселения оставшихся в Святске стариков областная и районная администрации, похоже, в большей мере связывают с естественным переселением самих пострадавших в мир иной.

...Вот похоронили восьмидесятилетнюю Клавдию Илларионовну Мосияну. Бандиты, отобрав пенсию, убили хозяйку, облили соляркой и сожгли. Так, глядишь, скоро злодеи перебьют всех до одного жителей Святска – и проблема с их отселением будет решена окончательно...

«Как же тут дальше жить да быть? – обратились старики к Правительству. – Где искать защиты от бандитов и мародеров? И кто же в конце концов решит нашу главную проблему – переселение в безопасное для жизни место?» Ну написали они письмо в Москву – и чего же добились? Письмо это вскоре вернулось в райадминистрацию, которая за подписью ее главы В. Анипенко ответила святским подписантам: «Переселить вас в текущем году в город Новозыбков не представляется возможным из-за отсутствия финансирования на строительство жилья». А в это самое время, как потом станет известно, районная власть под разговоры об отсутствии финансирования тихо, поворовски, за счет средств федерального бюджета, выделенных как раз на сооружение жилья для переселения жителей Святска, сумела выстроить себе в том же Новозыбкове целый городок из коттеджей полезной площадью свыше 130 кв. м каждый.

– Сколько же нам тут еще мучиться?! – захлебываясь слезами от обиды, сказала, обращаясь к обладателю одного из тех самых коттеджей, главе района В. Анипенко, 80-летняя жительница Святска Арина Федоровна Мельдеевкова, подписавшая под письмом в Москву. – Раз мы никому не нужны, так вы посадите нас всех на один железный лист и трактором оттащите на кладбище в одну могилу.

Сказала это с отчаяния, но не больше, чем к слову, а вышло так, что предугадала скорую развязку святской трагедии. Как-то вдруг заторопились наши старики в лучший мир. Одного убили бандиты. Другой ночью в пугру залупался среди заросших былым святских пустырей и замерз в сугробе. Третий после налета бандитов на его дом со страху сбежал в соседнюю Белоруссию и там вскоре помер. Четвертый... Да и те, кто дожил до переезда в Новозыбков, после всего пережитого в Святске на этом свете не задержались.

С отъездом последних обитателей Святск был окончательно разграблен и сожжен вместе со своей церковью Успения.

***

Когда случается заскочить в Святск, я всякий раз цепенею при виде царящего здесь теперь запустения. Ни одной живой души за весь день на улицах не встретишь, ни одного уцелевшего дома не увидишь – сплошь руины да пепелища, над которыми, словно сплехи, вздымаются пурпурно-розовые советские иван-чай, неизменного спутника пожарищ и пустырей.

Первое время после катастрофы на ЧАЭС я еще жил смутной надеждой на чудо, что с годами все обрзается, станет на свои места и ны-когда не потухнет для меня в святских окнах свет моей родины...

Мог ли я когда подумать, что мне суждено пережить мое село!

Анатолий ВОРОБЬЕВ